

Хореография сдерживания между Ираном и Израилем

Обмен ракетами между Ираном и Израилем в период с 13 по 19 апреля большинство международных комментаторов назвали тщательно «срежиссированным» двумя соперничающими средневосточными державами: таким образом последние пытаются восстановить взаимное сдерживание, не провоцируя крупный конфликт в регионе.

Это действительно впечатляющее, по крайней мере с иранской стороны, военно-политическое упражнение началось с негласного нападения Израиля на консульство Ирана в Дамаске. Это была «целенаправленная атака», являющаяся частью практики Тель-Авива уже несколько десятилетий, которая 1 апреля привела к гибели 7 офицеров Пасдарана, в том числе нескольких старших чинов, ответственных за логистическую координацию с сетями проиранских шиитских ополчений, действующих в Ливане, Сирии, Ираке и Йемене.

Параллельная «теневая война»

В «теневом параллельном конфликте», как назвала войну в Газе комментатор *Financial Times* Ким Гаттас, столкнулись Иран, Израиль и США, и он ведётся в форме необъявленной войны или «официально отвергаемого» участия. С 7 октября еврейское государство в результате ряда целенаправленных ударов уничтожило 18 офицеров Пасдаран, не вызвав иранского ответа. Атака в Дамаске, однако, была расценена Тегераном, который в январе уже обменялся ракетами с соседним Пакистаном в пограничном регионе Белуджистан, как пересечение «красной линии», как атака на свои интересы и национальный суверенитет.

С точки зрения обозревателей, правительство Биньямина Нетаньяху и израильская разведка хотели послать Тегерану сигнал о том, что они способны нанести урон его действиям, где и когда угодно. Как считает Джонатан Айал из британского мозгового центра RUSI (связанного с министерством обороны), поддержка Хезболлы в Ливане, частично включившейся в конфликт в Газе, и ограниченная поддержка ХАМАС фактически создаёт «буферную зону» внутри северных регионов еврейского государства. На протяжении семи месяцев обмен ракетами на ливанской границе не только задействовал часть израильского военного аппарата, но и привёл к эвакуации с этих земель порядка 80 тыс. человек. Это неудобная ситуация для правительства, ведущего войну в Газе, которая отмечена не только колоссальными разрушениями и огромными жертвами в палестинском анклав, достигшими 34 тыс. человек, но и, судя по всему, ситуацией тупика как на политическом, так и на военном уровне.

Однако атака в Дамаске показала, что Израиль недооценил возможность ответа со стороны Тегерана, который вследствие внутренних и международных причин был вынужден отказаться, как минимум на время, от линии на «стратегическое терпение», определённой верховным правителем аятоллой Али Хаменеи и подтверждённой после 7 октября.

Поиск «разрядки» и ракетный обмен

Немаловажно то, чтобы линия была признана Вашингтоном, который в своей политике баланса на Среднем Востоке ищет *разрядки* с Ираном, как и суннитские страны региона, в первую очередь нефтяные монархии Залива. Эта *разрядка* проявилась в дипломатическом сближении Ирана с ОАЭ в 2022 году и с Саудовской Аравией – при посредничестве Китая – в марте 2023 года. В попытке сдержать распространение конфликта в Газе на весь регион Вашингтон добился посредничества Ирана в том, чтобы покончить с нападениями шиитских ополчений на остаточные американские силы в Ираке и Сирии, после серии стычек в конце января и начале февраля, а также, вероятно, в том, чтобы ограничить нападения хуситских ополчений в Йемене. Тем не менее США были вынуждены осуществить целенаправленные рейды против их баз в стране и развернуть военно-морские силы, но без участия стран Залива и в рамках миссии в Красном море, отдельной от европейской и индийской. Через собственные аппараты разведки Вашингтон дистанцировался от атаки в Дамаске, утверждая, что не был о ней предупреждён и что она была осуществлена Тель-Авивом, который сам о том не заявил.

Ответ Тегерана был массированным: согласно американским оценкам, он запустил более трёхсот дронов и ракет ночью с 13 по 14 апреля. Подавляющее большинство из них были перехвачены в ходе совместных действий США, Израиля, Великобритании, Франции и

Иордании в рамках Средневосточной Воздушной Обороны (MEAD). Германия, как пишет *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, помогла воздушной дозаправкой французских самолётов. Что касается MEAD, которая почти неожиданно выросла из кризиса, эта региональная оборонная архитектура появилась после подписания в 2020 году Соглашений Авраама – дипломатической нормализации между Израилем и рядом арабских стран, в первую очередь ОАЭ. Еврейское государство присоединилось к ней в 2022 году, перейдя из зоны ответственности американского военного командования в Европе в зону ответственности CENTCOM, американского Центрального командования вооружёнными силами, которое среди прочего занимается Средним Востоком. На первый взгляд, только 9 иранских баллистических ракет, возможно, модели “Shahab 2” пересекли *координированный* оборонный пузырь, нанеся лёгкий урон израильской военно-воздушной базе Неватим в пустынном регионе Негев, в 20 км от ядерного объекта Димона. Согласно ряду источников, на Неватиме расположена часть израильского ядерного арсенала воздушного базирования. Эта атака, которую арабская и западная пресса, насмехаясь, назвала *«громким пиротехническим спектаклем»*, тем не менее расценивается как *«внимательно выверенное действие»*, с которым Иран поднимает планку противостояния, оставляя пространство для *деэскалации*, в том числе с Израилем.

Близкая к партии Нетаньяху “Ликуд” газета *Jerusalem Post* пишет, что Тегеран сообщил об операции Дубаю и Эр-Рияду где-то за двое суток до её начала. Ни один из зарядов не был направлен в сторону городских зон Израиля. Тегеран ограничился одной волной пусков, хотя обладает более технологичными ракетами и богатым арсеналом. По словам крупнейшей израильской газеты “Едиот Ахронот”, *«несущие порядка шестидесяти тонн сильно взрывчатого вещества, [иранские ракеты] могли бы сровнять с землёй две военно-воздушные базы, взятые на прицел»*. По мнению японской *Nikkei*, высокая эффективность *«зональной»* или *«эшелонированной»* противовоздушной и противоракетной обороны Израиля заслуживает изучения другими странами, например, для американо-японо-австралийского проекта интегрированной воздушной обороны. Однако в то же время она является невероятно дорогой: 13 апреля стал *«самым дорогим днём в истории обороны Израиля»*, поскольку его ракеты-перехватчики дальнего действия стоят дороже иранских ракет. Следовательно, необходимы *«большие производственные объёмы»*, чтобы противодействовать крупным ракетным арсеналам.

Миф о “Средневосточном НАТО”

Упражнение скоординированной защиты, осуществлённое США и Израилем при участии Лондона, Парижа, Берлина и Аммана, ориентировало и обусловило ответ с демонстративной и ограниченной атакой: Тель-Авив задействовал 1 или 2 баллистические ракеты “Blue Sparrow”, запущенные с истребителя над Южной Сирией в сторону иранской авиабазы Исфахан, недалеко от объекта по обогащению урана в Натанзе. Амос Ядлин, экс-офицер авиации и бывший директор военной разведки Тель-Авива, утверждает, что Израиль стремился *«восстановить сдерживание»*, поскольку речь шла о первом прямом нападении на страну со времён запуска Ираком ракет “Scud” в 1991 году и первом в её истории нападении со стороны Тегерана: *«Никакой эскалации; Исфахан за Неватим»*, то есть ответ является симметричным, что позволяет *«двум сторонам смотреть друг другу в глаза, чтобы смягчить конфликт»*.

Можно отметить, что ракетный обмен с двух сторон пришёлся на ядерные возможности противников: действующие, но не объявленные, со стороны Израиля; *латентные* со стороны Ирана. Как утверждает редактор *Le Figaro* по дипломатии Изабель Лассер, *«призрак в чулане»* средневосточной геополитики показывается в ходе *«каждого регионального кризиса»*. Чтобы заставить его появиться, как считает Элоиз Файет из Французского института международных отношений (IFRI), необходимо лишь *«политическое решение»*, принятое Тегераном.

В ряде международных и израильских комментариев отмечается, что скоординированный перехват, похоже, указывает на перспективу *«Средневосточного НАТО»*, или *«стратегического союза»* антииранского характера. *Le Monde* настроена более скептически: согласно видению стран Персидского залива, такой союз является *«нереализуемой перспективой»*. Как утверждает также Эмиль Хокайем, эксперт по Среднему Востоку из

британского Международного института стратегических исследований (IISS), сотрудничество арабских стран основано на соответствующих *«национальных интересах»*, в первую очередь стремлении избежать *эскалации* конфликта. Если в 2020 году Иордания с энтузиазмом восприняла идею *«военного альянса на Среднем Востоке по модели НАТО»*, то сегодня, утверждает *Le Monde*, нефтяные монархии и Египет к ней *«холодны»*. Эти страны уже включены в процесс сближения с Ираном после разочаровывающих результатов *«стратегии максимального давления»*, применённой администрацией Трампа после одностороннего выхода из договора об иранской ядерной программе. Чтобы создать такой военный союз, как считает Эр-Рияд, необходимы конкретные и *«необратимые»* шаги по решению *«палестинского вопроса»* через перезапуск формулы о двух государствах. Более того, монархии Залива хотели бы получить от Вашингтона расширенные гарантии безопасности и поддержку собственных ядерных программ, иными словами – американское согласие на условия *латентной* военной ядерной мощи, подобной иранской.

“Американский щит” для Тегерана

Фактически Иран объявил о завершении противостояния посредством военного представления, а США, опираясь на военный успех, исключили возможность поддержки ответного удара со стороны Тель-Авива. Таким образом, Тегеран оказался за *«защитающим щитом»* Вашингтона, как написали многие обозреватели, среди которых “Гаарец”, по мнению которой режим аятолл *«брутален, но действует как рациональный актер»*.

Это даёт ответ на вопрос Генри Киссинджера, является ли Иран *страной или целью* (“World Order”, 2014)¹. А именно: он и то, и другое, при этом старается использовать цель для интересов государства. С XVI века, когда Иран сделал шиизм государственной религией, он всегда использовал конфессиональные меньшинства для целей собственной внешней политики; бывший корреспондент *Le Monde* на Среднем Востоке пишет, что проиранские шиитские ополчения, начиная с Хезболлы в Ливане, являются *«щитом и мечом»* Тегерана в регионе (“Géopolitique du Hezbollah”, 2024). По мнению Айала, они представляют собой *«инструмент расширенного сдерживания»*, под защитой которого Тегеран разрабатывает свой *«атомный вариант»* как инструмент защиты и мощи, а также как переговорную карту на региональном и глобальном уровнях.

Апрель 2024 г.

¹ - В русском переводе книги “Мировой порядок”, опубликованной в 2015 году издательством AST Publishers, эта мысль Киссинджера переведена ошибочно: страна или территория.